

Изъ Записной книжки «Русскаго Архива».

Когда Милютинъ писалъ свою исторію войны 1799 года, изъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ были имъ взяты бумаги, касающіяся Русскихъ войскъ, потерпѣвшихъ пораженіе въ Голландіи отъ Французовъ. Въ нѣсколькихъ коробкахъ Архива, вмѣсто бумагъ лежатъ листки съ означеніемъ: „выдано полковнику Милютину“. Просмотрѣть эти бумаги было мнѣ нужно, когда я издавалъ „Архивъ Князя Воронцова“, такъ какъ войска наши и дѣла о нихъ переданы были въ вѣдѣніе посла нашего въ Лондонѣ графа С. Р. Воронцова. Не знаемъ, возвращены ли нынѣ въ Архивъ эти историческіе документы.

*

Князь В. А. Черкасскій въ 1856 г. писалъ въ Москву изъ деревни... А что скажете о смерти бѣднаго Иванова? Видно, и впрямь, душна атмосфера. Уже изъ Рима, гдѣ видѣлъ я его каждый день, ѣхалъ онъ сюда къ намъ какъ осужденный и живо предчувствовалъ себѣ конецъ. Никогда не забуду о его страхѣ при мысли о возвращеніи въ Россію. Говорять, на другой день по смерти его, ему принесли орденъ Св. Владимира и 30,000 р. сер. за картину. Любопытно бы знать, было ли все это назначено ему до смерти или вызвано этимъ страшнымъ ударомъ. А данное двумя мѣсяцами, быть можетъ нѣсколько лишь днями ранѣе оно бы его совершенно успокоило, разсѣяло бы то тревожное состояніе, въ которомъ онъ жилъ уже цѣлый годъ и вѣроятно избавило бы его отъ холеры, а Россію отъ значительной утраты. Нѣтъ, не ходко еще отечество наше на независимое дарованіе, а скоро ли будетъ иначе? Замѣчательно въ 28 № „Атеней“ предпоследнее письмо Карамзина, единственное, въ которомъ можно найти нѣчто похожее на жалобы на свое удаленіе отъ дѣятельнаго политическаго поприща.

*

Я пріѣхалъ нынѣшній годъ (1886) въ Ревель 30 Іюня. Теперь 10-й день что живу въ немъ, слушаю, приглядываюсь и замѣчаю боль-

шую перемѣну въ сужденіяхъ и толкахъ сравнительно съ третьягод-
 нияшнимъ и даже прежними моими прїѣздами; но сердце все еще не
 хочетъ вѣрить прочности Русскаго успѣха въ этомъ необыкновенномъ
 и по многимъ отношеніямъ для Россіи драгоцѣнномъ углу ея. Великій
 Князь Владимиръ Александровичъ и его супруга только что здѣсь были.
 Нѣмцы подняли было очень головы. Великая Княгиня сыскала въ
 одномъ изъ поднесенныхъ ей букетовъ сирень о пяти лепесткахъ и,
 подавая ее кому-то изъ бароновъ, сказала: возьмите на счастье; а по-
 томъ, видя опять этого барона, спросила, куда онъ положилъ ее пода-
 рокъ, на его отвѣтъ, что сирень хранится у него въ портфелѣ, за-
 мѣтила: „нѣтъ, ее надо положить въ часы; счастье дается временемъ“.
 Нѣмецкій языкъ въ устахъ ея окрылялъ Нѣмцевъ надеждами, хотя во
 всѣхъ нашихъ здѣшнихъ церквахъ Великая Княгиня прикладывалась
 ко Кресту, а въ Гапсалѣ поцѣловала даже заскорюзлую руку прїѣзжав-
 шаго туда на то время соборнаго Ревельскаго священника о. Карпа Ти-
 зика (изъ Эстовъ, учившихся въ Троицкой Лаврѣ). Я спрашивалъ о
 томъ его самого, замѣтивъ, что вѣроятно онъ польщенъ этимъ. Я тутъ
 не при чемъ, отвѣчалъ о. Тизикъ: „она поцѣловала руку не у меня, а
 у православнаго іерея“. Расчетливые Нѣмцы и супруги ихъ раскоше-
 ливались на угощеніе высокихъ гостей, оправдывая издержки патриоти-
 ческимъ побужденіемъ. Вскорѣ Дерптская рѣчь сразу охолодила ихъ. Рѣчь
 эта была предназначена еще въ Петербургѣ: Великій Князь долженъ былъ
 сказать ее въ Ригѣ; но лавирующій Зиновьевъ¹⁾ устроилъ, что произне-
 сена она была въ Дерптѣ, на квартирѣ, и всего въ присутствіи какихъ
 нибудь 20-ти человѣкъ (сказывалъ мнѣ Капустинъ²⁾), бывшій тутъ 2-го
 Іюня на обратномъ пути въ Ригу). Тонъ Нѣмцевъ вдругъ упалъ; а
 на прощаньи, уже въ Нарвѣ или гдѣ-то по близости, Великая Княгиня
 совсѣмъ охолодила ихъ, подаривъ представителямъ ихъ свои фотографі-
 ческія карточки въ Русскомъ сарафанѣ. Слава Тебѣ, Господи! Воля
 царская есть воля Русскаго человѣка, и она покаместъ непреклонна.

Въ этомъ убѣдился я изъ продолжительнаго одинъ на одинъ разговора
 съ здѣшнимъ губернаторомъ княземъ Шаховскимъ, вчера вечеромъ
 (9 Іюля) въ Екатеринентальскомъ дворцѣ, въ его кабинетѣ, рядомъ съ
 прекрасною залою, гдѣ бюсты Петра и Екатерины Первой, а на по-
 толкѣ нарисованы Антеноръ, пришедшій глядѣть на купающуюся Діану
 и ея обнаженныхъ спутницъ. Какъ это знаменательно для Петровскаго
 сооруженія!

¹⁾ Покойный Михаи́ль Алекса́евичъ, ученый артиллеристъ. П. Б.

²⁾ Попечитель Рижскаго учебнаго округа. П. Б.

Князь Сергій Владимирович Шаховской (ему теперь съ небольшимъ 30 л. отъ роду), математикъ изъ Московскаго Университета, внучатный племянникъ извѣстнаго драматурга, князя А. А. Шаховскаго, т. е. родной внукъ его брата Льва Александровича, а по матери племянникъ добрѣйшаго Александра Павловича Ефремова, что былъ пріятелемъ Каткова по Берлинскому университету и весь свой вѣкъ занимался географіей*), но успѣлъ прочесть изъ нея лишь нѣсколько лекцій въ Московскомъ Университетѣ, а потомъ облѣнился въ кабинетномъ чтеніи, подобно братьямъ Елагинымъ, высоко образованнымъ и умнымъ людямъ, но вовсе не изъявительнымъ, каковыхъ такъ много на Святой Руси. Но къ князю С. В. Шаховскому никакъ нельзя отнести Русской поговорки: *подъ лежащій камень вода не бѣжитъ*; вчинательности ему не занимать. Онъ служилъ по иностранному вѣдомству у Игнатьева и потомъ въ Средней Азій, а въ первые мѣсяцы новаго царствованія проживалъ на дачѣ подъ Москвою, незадолго передъ тѣмъ женившись на дочери еще многовластнаго тогда графа Д. А. Милютина, умной, начитанной, благочестивой и симпатической Елисаветѣ Дмитриевнѣ (которая много лѣтъ старше мужа и дѣвицею проживала въ Костромскомъ монастырѣ у тамошней знаменитой игуменьи Давыдовой). Въ Іюль 1881 г. внезапною телеграммою новый министръ внутреннихъ дѣлъ Игнатьевъ вызываетъ молодаго князя въ Москву. Я живо помню то время. Былъ я въ Парижѣ и въ тамошнихъ газетахъ читалъ извѣстіе, будто Русскій Царь бѣжалъ изъ своихъ столицъ къ предѣламъ Азій; а И. С. Аксаковъ послѣ мнѣ сказывалъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ Игнатьевъ въ Кремлевскомъ дворцѣ хвасталъ ему: „Ну что, довольны вы теперь? Вотъ я вамъ привезу царя!“ Московскій народъ крестился, глядя на Царя и Царицу посреди себя. Государыню очень удивляли эти крестныя знаменья; супругъ растолковалъ ей, что тутъ нѣтъ и тѣни кумиролуженія, и что благодарятъ Бога, видя опять Царя и Царицу послѣ страшныхъ пережитыхъ дней. Недоумѣвающему князю Шаховскому говорить Игнатьевъ, что въ Черниговской губ. Еврейскій погромъ, что тамошній губернаторъ Шостакъ стрѣляетъ въ народъ, что Государь намѣренъ прибѣгнуть къ мѣрамъ крутымъ, что туда посланъ графъ К. для дознаній, но что этотъ графъ не способенъ узнать настоящее дѣло, и что для настоящаго дознанія онъ посылаетъ туда отъ себя его князя Шаховскаго. „Да какъ же мнѣ быть? Я

---

*) Мадагаскаръ была особеннымъ предметомъ его работъ. Ефремовъ думалъ, что Россіи слѣдуетъ его занять, дабы, на всякій случай, имѣть въ немъ точку опоры въ борьбѣ съ Англіею. Эту мысль осуществила Франція: нынѣ ей принадлежитъ Мадагаскаръ. П. Б.

вовсе не служилъ по внутреннему управленію, не умѣю отличить предѣловъ власти между Губернскимъ Правленіемъ и Земскою Управою“. — „Ничего, такія ли дѣла мы съ вами обдѣлывали въ Турціи? Поѣзжайте!“ — „Да я дипломатическій чиновникъ“ — „Все вздоръ! Завтра же отправляйтесь!“

Князю Шаховскому вскорѣ вручаютъ открытый листъ отъ министерства, и онъ все въ томъ же мундирномъ платьѣ, ѣдетъ въ Нѣжинъ, Черниговъ, Глуховъ и т. д., шатается по трактирамъ, говоритъ съ народомъ, съ помѣщиками, съ чиновниками и возвращается въ Петербургъ съ докладною запискою, въ которой выражаетъ, что противоеврейское движеніе вовсе не имѣетъ политическаго и анархическаго значенія, а вызвано просто вымогательствомъ Евреевъ, что тутъ не грабежъ и не разореніе и присвоеніе Еврейской собственности, а только острастка; что народъ только рветъ Жидовскія деньги и даже не хочетъ скверниться Жидовскими пожитками, а только ихъ уничтожаетъ. — „Какъ же быть?“ говоритъ ему Игнатъевъ: графъ К. уже пріѣхалъ тоже и подалъ Государю докладъ совсѣмъ въ другомъ родѣ, выставляя дѣло какъ слѣдствіе нигилистической пропаганды. Но я подамъ вашъ докладъ Государю, пріѣзжайте ко мнѣ обѣдать въ такой-то день“. Оказалось, что Государь прочиталъ докладъ князя Шаховскаго, сдѣлалъ на немъ свои замѣтки и не только остался имъ доволенъ, но тотчасъ же отмѣнилъ намѣреніе объявлять Черниговскую губернію на военномъ положеніи.

Тогда же рѣшено было послать туда князя Шаховскаго губернаторомъ. На пріемѣ князь предъявлялъ Государю свою молодость и полную неопытность въ бумагопроизводствѣ канцелярскомъ Государь отозвался, что по его докладу видно, что онъ уже ознакомился съ краемъ; а что до канцелярскаго порядка, то онъ иной разъ не уясняетъ, а только мѣшаетъ видѣть ясно дѣло. Это было въ началѣ осени 1881 г.

Князь Шаховской утвердился въ Черниговѣ, но черезъ 3½ г., весною 1885 г., управлявшій министерствомъ Дурново шлетъ ему шифрованную телеграмму объ его назначеніи въ Ревель, прибавляя, чтобъ онъ немедленно ѣхалъ въ Петербургъ, что указъ предварительно рѣшенъ, но еще не подписанъ. Это взволновало и обидѣло губернатора, не успѣваго привести къ концу начатыхъ мѣропріятій. Онъ полагаетъ, что причиною были произведенныя высканія недоимокъ съ имѣній самаго Дурново (Черниговскаго помѣщика и по отзыву, кото-

рый я слышалъ отъ покойника А. Ф. Томашевскаго, человѣка вовсе небезупречнаго) и губернскаго предводителя Неплюева (о семъ послѣднемъ князь Шаховской отзывается очень дурно). Нечего дѣлать, надо ѣхать въ Петербургъ, куда предварительно послана телеграмма съ полнымъ отказомъ отъ Ревеля. Дурново встрѣтилъ князя выговоромъ за дерзкій яко бы отвѣтъ, а князь объяснилъ ему на прямикъ, что такъ служить онъ не можетъ, коль скоро безъ его вѣдома имъ помыкають, и что во всякомъ случаѣ въ Ревель онъ не поѣдетъ, вовсе не зная тамошнаго края и даже не говоря по-нѣмецки. Дурново мѣняетъ тонъ и говоритъ ему, что нельзя отказываться, такъ какъ Государь уже рѣшилъ его назначеніе. Начинаются переговоры съ Побѣдоносцевымъ, который убѣждаетъ къ покорливости и разными доводами о томъ, что сверху видно лучше кого куда посылать. что Государь выбралъ его изъ 40 кандидатовъ, что надо служить отечеству и т. д., склоняетъ князя не отказываться отъ новаго губернаторства. Въ Гатчинѣ назначено представленіе. Дежурный флигель-адъютантъ передаетъ князю, что онъ будетъ принять послѣднимъ и особо. Когда онъ вошелъ въ памятный мнѣ кабинетъ, Государь приказалъ флигель-адъютанту уходить совсѣмъ. самъ затворилъ дверь. закурилъ папироску и стоя выслушалъ долгіе доводы князя о непригодности его для Эстляндіи. Князь сказалъ между прочимъ, что съ дѣтства въ немъ не истребилась нелюбовь къ Нѣмцамъ. — „А вы думаете, я-то люблю ихъ?“ Относительно незнанія Нѣмецкаго языка Государь замѣтилъ: „Въ Гапсалѣ я всегда говорилъ съ ними по-русски, и они меня понимали“. „То Вы, Государь; но для меня могутъ выйти изъ того всякія усложненія, не говоря уже о клеветахъ и доносахъ“. — „Но тутъ моя воля!“ — „Конечно воля Ваша для подданныхъ священна, и формально будетъ она исполняться; но Вы, Государь, защитите меня отъ самыхъ органовъ Вашего правительства, въ которыхъ Нѣмцы составляютъ великую силу, такъ какъ ими сплошь замѣщены всѣ вліятельныя положенія“. — „Въ вашихъ словахъ много справедливаго, тѣмъ не менѣе затрудненія можно устранить. Поѣзжайте съ Богомъ, Христосъ съ вами!“

Вступленіе въ должность послѣдовало 20 Мая 1885 г.

Князь Шаховской говорить, что объ этомъ разговорѣ онъ передавалъ кромѣ Дурново (яко бы по обязанности). Побѣдоносцеву, Аксакову, Каткову. И тѣмъ не менѣе о немъ знаютъ Нѣмцы, и кто-то изъ бароновъ увѣрялъ его, будто отзвывы Государя помѣщены въ какой-то Нѣмецкой корреспонденціи.

*

(Ревель, 11 Юля 1892 Пр. гр. В. В. Адлербергъ).

Графъ Владимиръ Федоровичъ Адлербергъ съ женою, двумя дочерми и тремя сыновьями, до Ноября 1841 года (когда, съ отъездомъ въ Крымъ князя А. Н. Голицына, освободился большой домъ на Фонтанкѣ, тогда бывший почтоваго вѣдомства, а теперь министра двора) проживалъ на дворѣ Аничковскаго дворца, рядомъ съ Кабинетомъ, въ небольшихъ семи комнатахъ, даже безъ чистаго хода. Лѣстница была одна съ кучерскою, зимою обледѣнная, лѣтомъ она вонючая, такъ какъ находилась рядомъ съ отхожими мѣстами. Однажды, Адлербергъ заболѣлъ и Николай Павловичъ пріѣхавшій навѣстить его, поразился убожествомъ и неудобствомъ этого входа. Онъ призвалъ смотрителя дворца, разбранилъ его и много кричалъ. Тѣ же дни все приведено было въ наилучшій видъ, который и длился, пока Адлербергъ былъ боленъ и Государь ежедневно къ нему ходилъ. За тѣмъ и сыновья успѣли вырости (старшій женился въ 1842 г.), и дочери стали невѣстами, а другъ царевъ никогда о себѣ ничего не просившій, продолжалъ жить въ самой мизерной обстановкѣ. Государь, любившій его сердечно, ни разу не обратилъ на то вниманія.

Предшественникъ его по должности министра двора князь П. М. Волконскій, le prince Non, какъ его звалъ самъ царь за его скупость на казенныя траты и деньги, держалъ дворцовое управленіе въ величайшемъ безпорядкѣ. Много спустя по его кончинѣ какой-то лордъ прислалъ изъ Англіи образчики большаго столоваго прибора съ императорскими гербами и вензелями Екатерины II-й, предлагая Министерству Двора купить его, стали наводить справки, и оказалось, что за приборъ этотъ заплачены деньги еще въ прошломъ столѣтіи, что онъ выкраденъ, и проданъ былъ въ Англію. При графѣ В. Ф. Адлербергѣ завелись подробныя описи всего дворцоваго имущества, и на каждую, сама малѣйшую вещь, наложены особыя, неистребимыя клейма.

Въ тотъ годъ, когда изъ Греціи выгнали короля Баварца Оттона, Государь возвращался изъ чужихъ краевъ и ѣхалъ въ одной коляскѣ съ Адлербергомъ. На одной станціи письмо отъ Меттерниха, который въ этомъ переворотѣ обвинялъ нашего посланника Катакази. Государь вспылилъ и приказалъ Адлербергу въ слѣдующую же остановку написать бумагу о преданіи Катакази суду. На другой перепряжкѣ вопросъ Государя, отправлена ли бумага. Нѣтъ, Ваше Величество. Какъ ты смѣлъ и т. д. полились бранныя выраженія и страшные окрики.—Я полагалъ, что надо подождать увѣдомленія отъ графа Нессельроде; а

предагъ Катакази суду еще будетъ довольно времени“.— Государь замолчалъ и черезъ нѣсколько времени бросился обнимать Адлерберга. Спасибо, Эдуардъ! ты, можетъ быть, избавилъ меня отъ великой несправедливости.

Оказалось, что Катакази и потомъ долго служилъ. (Это отецъ Неклюдовой и того Катакази, бывшаго посломъ въ Америкъ, что погубилъ въ 1887 году Каткова, сочинивъ и напечатавъ въ газетѣ *Votaire* письмо отъ яко бы Каткова съ возбужденіемъ Французовъ напасть на Германію).

Графъ В. В. Адлербергъ, служившій въ Конной гвардіи, передаетъ ужасы о порядкахъ того времени. Никто изъ офицеровъ, какъ бы старательно ни служилъ онъ, не былъ обезпеченъ отъ вздорной, мелочной придирчивости Великаго Князя Михаила Павловича. Офицеры цѣлыми десятками сажались на гауптвахты (и никогда одного полка вмѣстѣ). На преданіе аресту (иной разъ многодѣльному) еще надо было самому выправить билетъ отъ коменданта. Однажды Адлербергъ пріѣхалъ домой, чтобы переодѣться и ѣхать въ оперу. Вдругъ вѣстовой съ бумагою объ отправленіи на гауптвахту по приказанію Его Высочества. Онъ спрашиваетъ у полковаго адъютанта, за что же? Великій Князь встрѣтилъ двухъ солдатъ вашего полка на углу Кирпичнаго переулка, они не отдали ему чести и вѣроятно безъ спросу пошли изъ казармы. Офицеру предоставлялось выбрать себѣ гауптвахту для ареста, лишь бы не съ однополчаниномъ. Графъ Адлербергъ поѣхалъ въ Адмиралтейскую казарму. Тамъ же сидѣло человекъ десять. Духота, смрадъ, сырость и множество крысъ. Тутъ же печка, на которой разогрѣвалось кушанье, приносимое арестованнымъ офицерамъ изъ домовъ или трактировъ. Въ полу большая дыра, изъ которой такъ и шныряютъ большія крысы. На другой день графу Адлербергу привели его собаку. Та кинулась въ эту дыру и уже не показалась назадъ: крысы ее заѣли.

Другой разъ гр. Адлербергъ, ѣздивъ съ Канкринымъ и княземъ Павломъ Павловичемъ Голицынымъ, въ Ораніенбаумъ осмотрѣть лѣтнія помѣщенія. По возвращеніи двое послѣдніе посажены подъ арестъ на полтора мѣсяца за то, что на заставѣ не росписались.

Въ 1849 г., отправляя конный полкъ въ Венгерскій походъ, Великій Князь постоянно гнѣвался, протестовалъ за самые пустяки, выходилъ изъ себя и приводилъ въ отчаяніе и солдатъ и офицеровъ. Между

солдатами былъ нескрываемый ропотъ. Это было мѣсяца за три до кончины Великаго Князя. Рыжій, сутуловатый, весь красный, съ огромнымъ загривкомъ, онъ производилъ очень непріятное впечатлѣніе.

И только тотъ одинъ
Кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ
И дѣйствовалъ, и жилъ,

Сказалъ объ этомъ времени зло-желательный полу-Полякъ Некрасовъ. Но еще много раньше, въ 1834 году, Пушкинъ писалъ въ своемъ „Памятникѣ“:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что звуки новые для нѣсенъ я обрѣлъ,
Что въ мой жестокой вѣкъ возславилъ я свободу
И милосердіе воснѣлъ.

Эта невѣроятная для нашихъ дней муштра—принадлежность Нѣмецкихъ князей и Нѣмецкой власти. Генеалогію надо искать въ Штутгардѣ и Людвиглюстѣ, въ предкахъ четырехъ братьевъ, отъ которыхъ столько пострадало Русскихъ людей изъ-за кантиковъ, выправокъ, окраски будокъ, ровненія шагомъ и пр.

По кончинѣ Михаила Павловича, преемникъ его, т. е. Александръ Николаевичъ. дѣйствовалъ въ томъ же направленіи, но много мягче.

Графъ Василій Владим., нынѣ слѣпой, 12 лѣтъ служилъ въ конной гвардіи (1846—1858). Онъ помнитъ, какъ въ 1852 г. въ Гатчинѣ торжествовали открытіе памятника Императору Павлу. Покровы сняли, но веревка осталась на шеѣ статуи, и державный сынъ увидя это, заплакалъ. Всѣхъ поразила эта случайность. Графъ Адлербергъ не помнитъ, тогда ли или позже сняли знаменательную веревку.

Любопытно, что, по словамъ графа В. В. Адлерберга и другихъ, солдаты между собою, называли Николая Павловича: *Карль Ивановичъ*.

Конная гвардія стояла въ какомъ-то Польскомъ городкѣ, когда скончался Михаилъ Павловичъ. Собрались въ церковь. Священникъ сказалъ проповѣдь съ пышными фразами. Солдаты хмурились, а потомъ на площади, когда полковой командиръ объявлялъ, что незабвенный отецъ и благодѣтель, который не замѣнимъ для полка, замѣщенъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, въ полку громко осуждали. Личныя благодѣянія великаго князя, негласныя пенсіи, уплата долговъ, щедрыя пособія, больше относились къ офицерамъ. Но сихъ послѣднихъ донималъ швейцаръ Великаго Князя, ссужая ихъ деньгами за страшные проценты. Однажды

задолжалъ ему будущій фельдмаршалъ князь Барятинскій. Покойный Соболевскій, славившійся опытностью въ счетахъ и денежныхъ дѣлахъ, сказывалъ мнѣ, что однажды Пушкинъ просилъ его принять участие въ нелѣпомъ положеніи молодого красавца и помочь ему разобраться въ поддѣланныхъ деньгахъ, т. е. скупить векселя и усовѣстить заемодавцевъ. Соболевскій съ Пушкинымъ пошли къ задолжавшему молодцу и нашли, у него остались только богатые ковры, и вся обстановка роскошнаго помѣщенія увезена заложная. Это былъ князь Александръ Ивановичъ. Онъ и весь вѣкъ свой всего менѣе думалъ о деньгахъ.

Памяти Тютчева.

И у домашняго простаго камелька,
 И въ шумѣ свѣтскихъ фразъ и суеты салонной,
 Намъ не забыть его, сѣдого старика
 Съ улыбкой ѣдкою, съ душой благосклонной.
 Лѣтнвовой поступью прошелъ онъ жизни путь,
 Но мыслью обнялъ все, что на пути замѣтилъ
 И передъ тѣмъ, чтобъ сномъ послѣднимъ отдохнуть,
 Онъ былъ какъ голубь чистъ и какъ младенецъ свѣтелъ.
 Искусство, знаніе, событія нашихъ дней
 Все откликъ въ немъ будило неизбежно.
 И словомъ брошеннымъ на факты и людей
 Клеймо онъ вѣчное накладывалъ небрежно.
 Вы помните его среди его друзей,
 Какъ мысли сыпались нежданныя, живыя,
 Какъ забывали мы подъ звукъ его рѣчей
 И вечеръ длившійся, и годы прожитые.
 Въ немъ злобы не было; когда онъ говорилъ,
 Язвительно смѣясь надъ жизнью или вѣкомъ,
 То самый смѣхъ его насъ съ жизнію мирилъ,
 А свѣтлый ликъ его мирилъ насъ съ человѣкомъ,

*

24 Іюля 1893 въ Ревель.

Эстляндскій губернаторъ кн. Шаховской, внучатный племянникъ славнаго комика и младшій братъ повредившагося въ умѣ супруга старшей дочери Каткова самъ мнѣ рассказывалъ о началѣ своей извѣстности. Будучи вице-консуломъ въ Рагузѣ, сдѣлался онъ агентомъ Славянскаго благотворительнаго общества и на присылаемыя Аксаковымъ деньги Московскихъ купцовъ доставалъ оружіе и порохъ, которыя держалъ у себя подъ поломъ и раздавалъ Герцеговинскимъ повстанцамъ. Паша въ Рагузѣ имѣлъ жену Француженку, которая ему

надоѣла. Однажды онъ познакомилъ съ нею кн. Шаховскаго. Начались катанья верхомъ и отвергнутая своимъ господиномъ жена до того сблизилась съ Русскимъ вице-консуломъ, что для него похитила у мужа ключъ его переписки. Молодой князь такимъ образомъ получилъ возможность заранѣе узнавать о направленіи и передвиженіяхъ Турецкихъ войскъ, предупреждалъ повстанцевъ и тѣмъ облегчалъ имъ побѣды и одолѣніе. Вдругъ посолъ Вѣнскій требуетъ его телеграммой въ Вѣну, и оттуда немедленно посылаетъ его въ Петербургъ. До Русской границы провожалъ его Австрійскій жандармъ, далѣе Русскій. Его приводятъ въ Мин. Ин. Дѣлъ, и Гирсъ, тогдашній директоръ Азіатскаго департамента, объявляетъ ему выговоръ за то, что онъ слишкомъ много занимается Славянскимъ Благотв. Обществомъ. Князь ссылается на то, что Общество это дозволено, и что вѣроятно самъ Николай Карловичъ членомъ какого либо благотворительнаго учрежденія, и объявляетъ, что лучше выйдетъ въ отставку, чѣмъ согласится на стѣсненіе этой его дѣятельности. За тѣмъ идетъ онъ къ кн. Горчакову, его не принимаютъ, къ Вестману, къ Гамбургеру—тоже. Горе и смущеніе свое сообщаетъ онъ гр. Блудовой, и та его утѣшаетъ и велитъ придти къ ней тогда-то въ часть дня. Оказывается, это день ея именинъ; у нея накурено, принаряжено. Вскорѣ приходитъ Государь, и когда князь хочетъ удалиться, графиня вмѣсто того представляетъ его. „Такъ вотъ ты какой молодецъ! Ну сказывай, какъ по твоему справятся тамъ съ Турками?—Если прислано будетъ столько-то милліоновъ, да придутъ переодѣтые Русскіе солдаты, тогда можно ручаться.—Ужъ очень ты горячъ!“

Вечеромъ того же дня присылаетъ за нимъ канцлеръ. Но князь велитъ сказать посланцу, что такъ какъ онъ не былъ принятъ и подаетъ въ отставку, то не имѣетъ никакой надобности беспокоить его свѣтлость своимъ посѣщеніемъ. Вскорѣ онъ дѣйствительно подалъ прошеніе и уѣхалъ въ Москву, гдѣ умиралъ его дядя, симпатичнѣйшій Александръ Павловичъ Евремовъ. Отецъ отнесся не довольно сурово къ быстрому рѣшенію сына, который за тѣмъ заболѣлъ брюшнымъ тифомъ. Нежданно-негаданно телеграмма отъ канцлера съ запросомъ о здоровьѣ его чиновника. Отецъ пишетъ отвѣтъ о его болѣзни. Отъ канцлера снова телеграмма съ просьбою ежедневно увѣдомлять о ходѣ болѣзни. Потомъ выяснилось, что за маленькимъ обѣдомъ у Наслѣдника, гдѣ былъ Государь и гр. Блудова, стали жаловаться на кн. Горчакова и объясняли болѣзнь молодого князя недоброжелательствомъ канцлера. По выздоровленіи онъ получилъ отличную должность въ Одессѣ, и тутъ, переодѣвшись чумакомъ, успѣлъ перевести въ Румынію много оружія, доставленнаго Аксаковымъ.

Его несчастная княгиня передала мнѣ новость: Боткинъ, ея пріятель, сказывалъ ей, что Юрій Самаринъ страдалъ падучею болѣзнію.

У нихъ я встрѣтилъ игуменью новаго Курляндскаго монастыря, нѣкогда гувернантку въ пансіонѣ Труба. Монашескаго что-то мало. У нея 23 сестры и учебное заведеніе дѣвочекъ на сто. И то слава Богу!

*

Весною 1854 года, стихи Хомякова, въ которыхъ онъ призывалъ Россію къ покаянію и грозилъ судомъ Божиимъ за гордыню, всполошили нашу высшую власть, и въщему поэту грозила правительственная кара. Въ особенности негодовалъ на него Наслѣдникъ престола. Графиня А. Д. Блудова обратилась съ оправдательною запиской къ супругѣ графа А. Ѳ. Орлова, который тогда былъ шефомъ жандармовъ и начальникомъ III-го Отдѣленія Государевой канцеляріи. (И азъ грѣшный потребованъ былъ въ Москвѣ къ графу Закревскому, о чемъ будетъ особо разсказано). Вотъ отвѣтное письмо графини Орловой, которое графиня Блудова отдала мнѣ.

Chère comtesse. Lorsque j'ai reçu votre lettre, j'étais dans un état à devoir mettre une demi-heure à la lire. Les incluses et les vers ont été remis à mon mari; mais j'étais hors de toute possibilité de vous répondre, quoique ce que j'ai à vous transmettre soit très court. Le voici. Aucune décision n'a été encore prise au sujet de m-r Homiakoff, et on attend des renseignements que doit fournir le c. Zakrewsky. Vous pouvez être sûre que tout ce qu'il sera possible de faire, sans manquer à des devoirs auxquels on ne saurait capituler, sera fait. Je n'en sais pas davantage.

Pour vous, chère comtesse, il me semble que vous n'avez aucun reproche de conscience à vous faire. On ne saurait vous blâmer d'aimer vos amis malgré leurs défauts et on ne peut qu'admirer votre dévouement à les servir. Continuez, je vous prie, de disposer de moi sans scrupules et croyez que je serai heureuse de vous prouver par là ma sincère affection. C. Orloff.

Le 21 Mai 1854.

Переводъ.

Дорогая графиня, я такъ страдала, когда получила ваше письмо, что на одно прочтеніе употребила полчаса. Все въ немъ вложенное и стихи передано

мужу, но отвѣтить вамъ я не имѣла никакой возможности, не смотря на то немногое, что имѣю вамъ сообщить, а именно, что на счетъ Хомякова еще ничего не рѣшено. Ждутъ запрошенныхъ у Закревскаго свидѣній. Можете быть увѣренной, что все что возможно сдѣлать, не нарушивъ долга, которымъ нельзя поступаться, не преминуть сдѣлать. Больше я ничего не знаю. Мнѣ кажется, графиня, что совѣсть ваша ни въ чемъ не можетъ упрекать васъ. Нельзя осуждать васъ за то, что вы любите друзей вашихъ, несмотря на ихъ недостатки. Можно только удивляться, какъ вы имъ преданно служите. Пожалуйста, продолжайте располагать мною, безъ стѣсненій; я такъ буду счастлива доказать вамъ въ этомъ мою искреннюю привязанность. Е. гр. Орлова.

*

21-го Мая 1854.

Анна Ѳедоровна Аксакова по кончинѣ мужа своего нѣсколько разъ восклицала: „онъ былъ такъ добръ, что даже со мной могъ ужиться!“

Передъ женитьбой, Иванъ Сергѣевичъ говорилъ мнѣ, что онъ готовить себѣ ясную осень жизни и что влюбился въ умъ Анны Ѳедоровны.

Онъ рассказывалъ мнѣ, возвратившись изъ Ильинскаго, гдѣ жила съ Императрицей его невѣста (и куда онъ съ трудомъ пробрался, такъ какъ царское пребываніе уже тогда окружалось тѣсною, явною и тайною стражей). что будущій тестъ его Тютчевъ, обращаясь къ дочери, говорилъ: *Anna, comme tu es heureuse; tu vas aimer et estimer ton mari.*

М. А. Дмитріевъ (глубокій тогда старецъ) сочинилъ на этотъ бракъ стихи:

Какое счастье Ванѣ!
Женатъ на царской нянѣ!
При томъ какал чести:
Ему и Тютчевъ тестъ.
Сказать пришлось къ слову,
Родня онъ и Сушкову.
Какую дребедень
Теперь запереть
„День“.

Но съ женитьбою Аксаковъ прекратилъ изданіе своего „Дня“ и, говоря, Тютчевъ по этому поводу сказалъ Государю, что онъ разомъ достигаетъ двухъ цѣлей: избавляется отъ несносной фрейлины и несносной газеты.

И. С. Аксаковъ былъ убѣжденъ, что вышеприведенные стихи написаны Соболевскимъ и, разсердившись на меня за то, что я помѣстилъ въ „Русскомъ Архивѣ“ какое-то шуточное стихотвореніе Соболевскаго, когда я выразилъ недоумѣніе, при чемъ же тутъ самъ-то онъ, увѣрялъ меня, что стихи про его свадьбу писаны Соболевскимъ, тогда какъ М. А. Дмитріевъ самъ мнѣ читалъ ихъ, какъ свое произведеніе.

